

И. И. Муллонен

Институт языка, литературы
и истории Карельского
филиала АН СССР

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ВЕПСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИЕЙ

Географическая терминология — часть словарного состава языка. Вепская географическая терминология, как, впрочем, и вся вепская лексика, не являлась до сих пор предметом специального лингвистического исследования. В настоящее время лишь выявлен в целом инвентарь лексем, связанных с обозначением различных реалий ландшафта, и установлена их общая семантическая характеристика. Однако для проведения всестороннего исследования предстоит еще значительная работа по уточнению географии распространения отдельных лексем, по изучению поэтапных семантических сдвигов в сфере терминов. Для выявления особенностей вепской географической терминологии полезно соотнести полученный вепский материал с данными других прибалтийско-финских языков. Такое исследование продуктивно как для прибалтийско-финской, так и для севернорусской лексикологии, оперирующей прибалтийско-финскими (в том числе и вепскими) данными.

В наших наблюдениях высказываются некоторые предварительные замечания о характере и особенностях вепской ландшафтной терминологии и определяется круг задач исследования в указанной сфере. Материал — около 170 лексем — почерпнут из "Словаря вепского языка"¹, этимологического словаря финского языка (SKES), письменных источников. Привлекаются также некоторые полевые материалы, собранные автором в 1979-1982 гг.

Основная масса вепских географических терминов восходит к прибалтийско-финскому языку-основе и имеет, таким образом, параллели в других прибалтийско-финских языках. Таковыми являются, например, все родовые термины: *j o g i* "река", *j ä r v* "озеро", *vo* "болото", *she s* "лес", *al a r g* "нижина", *r ö u d* "поле" и др.

1. Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепского языка. Л., 1972.

Вепская ландшафтная терминология близка к географической терминологии других прибалтийско-финских языков и с точки зрения семантики терминов. Причины такой семантической стабильности объясняются во многом, по-видимому, проживанием прибалтийско-финских народов в сходных географических условиях. В качестве примера семантического сдвига можно отметить лексему *riika*, в которой помимо первоначального значения "смола" развилось значение "густое мелколесье, чапыжник, молодой хвойный лес", прослеживающееся по всем вепским диалектам. В других прибалтийско-финских языках лексема функционирует лишь в исходном значении "смола". Интересную информацию в связи с вышесказанным содержат севернорусские говоры, которым известен географический термин *пихка*, *пихка* для обозначения густого, чаще всего элового леса (Куликовский, 82). Семантика указывает на вепский источник его заимствования. С данным предположением согласуются и география распространения севернорусской лексемы. Подавляющее число ее фиксаций относится к ареалу, смежному с современным проживанием вепсов.

Помимо лексем, восходящих к общему прибалтийско-финскому фонду, вепская географическая терминология включает в себя русские заимствования. Они составляют примерно 10% от общего числа терминов. На осваиваемом новгородскими славянами Севере, как известно, широко происходил обратный процесс: усвоение последними географической терминологии местного населения, выванное внедрением в новые географические условия, в новый ландшафт. Появление русских терминов в вепских говорах вызвано другими причинами. Нам представляется, что это, прежде всего, результат активного билингвизма вепсов, а не отсутствия у них соответствующих реалий и называвших их лексем. В самом деле, русские заимствования обычно имеют узколокальное распространение в пределах одного говора (редко - диалекта), в то время как на остальной территории вепского заселения продолжает функционировать исконно вепская лексема.

В качестве примера отметим шелтозерские (северновепский диалект) слова *рог* "порог на реке", *дог* "дорога", *кгеэ* "гора", вытеснившие соответствующие искон-

ные лексемы * k o ō k , * t e , * m ä g i . В пользу того, что последние были известны мелтозерскому говору, свидетельствует топонимия села. Одна из самых старых мельниц на р. Шелтозерье стоит на порожистом участке и в отличие от других мельниц, называемых по фамилии владельца, именуется k o ō k . В окрестностях Шелтозера существует с. m ä g i (рус. Горное Шелтозеро). В названиях двух покосов: r a n d t e и v o t o n t e - сохранилась в качестве детерминанта утраченная мелтозерским говором лексема * t e .

В нескольких говорах, расположенных на востоке современного распространения вепсов, известен ландшафтный термин l ä g a "лука", воспринятый из соседних севернорусских говоров: ляга "лука" (СРНГ 17, 253). Вепский термин l o d o "мель на озере, реке" в с. Шелтозеро зафиксирован как l i d a . Такой фонетический облик свидетельствует о том, что в данном случае произошло заимствование севернорусского л у д а "мель", распространенного на смежной русской территории Прионежья² и представляющего, в свою очередь, прибалтийско-финское (возможно, вепское) заимствование.

Наконец, еще незначительный процент составляют слова, для которых не обнаруживаются соответствия в других прибалтийско-финских языках и в севернорусских говорах. Их происхождение - это предмет специального исследования. Можно, однако, предполагать, что по крайней мере часть вышеназванной группы терминов - это исконно вепские лексемы, свойственные только этому языку и не имеющие аналогий в других прибалтийско-финских языках. П. Аристе³, например, отмечает в качестве такой лексики вепский апеллятив k e n d "берег"⁴. Здесь

2. Алекина Л. Н. Из материалов для регионального атласа русских говоров Карелии. - В кн.: Севернорусские говоры. Л., 1975, вып. 2, с. 65.
3. Аристе П. А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. - В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 22.
1. Ср., однако, фин. k e n t t ä , k e n t ä "ровная лужайка, бывшее поле, поросшее травой и ставшее лугом", карел. k e n t t ä "поляна, покинутое место жительства" (SKES II, 181) с которыми, возможно, соотносится - с учетом семантического сдвига - вепская лексема. р

же отметим вепские лексемы *š i t a k* "мель, гряда на озере", *j o h t* "старица", *r o h t* "небольшой залив на озере, реке", и *š u l m* "тихая заводь", имея, однако, в виду, что дальнейшие исследования в области прибалтийско-финской лексики могут внести изменения в интерпретацию происхождения отмеченных лексем.

Анализ вепской географической терминологии позволяет сделать вывод об определенной дифференциации ландшафтной терминологии по диалектам и говорам вепского янка. Речь должна идти, прежде всего, о лексических различиях. Наряду с терминами, известными на всей территории проживания вепсов, нами зафиксированы лексемы, имеющие узолокальное распространение. Это могут быть новообразования на материале одного говора. Отметим в качестве примера лексемы, образованные от основ прилагательных с помощью суффикса *-išt* с собирательным значением и отражающие своей семантикой признак, характерное свойство местности: *h a r v i š t* "редколесье" < *h a r v* "редкий", *m a d a l i š t* "мелкий лес" < *m a d a l* "низкий, мелкий", *l a g e d i š t* "открытое безлесое пространство, прогалина" < *l a g e d* "открытый (безлесный) и ровный", *r a i i i š t* "открытое место в лесу, поляна" *r a i i a z* < "голый, нагой".

Выше упоминалось о локальных заимствованиях из соседних русских говоров. Это еще один из факторов, ведущий к лексической дифференциации вепских говоров. Естественно, что такие заимствования преобладают в крайних вепских говорах, в зонах контактирования с русским населением. Причем зачастую русская лексема не вытесняет полностью соответствующую вепскую, а лишь сужает ее семантику.

Состав местной географической терминологии, восходящей к исконному прибалтийско-финскому фонду, также дает определенную дифференцированность по диалектным системам. Наблюдается разная степень сохранности ландшафтных лексем по разным диалектам и говорам. К примеру, для обозначения еловой чащи, густого ельника только в вхновепском диалекте существует лексема *v i d a*, а в некоторых средневепских говорах в том же значении *f ä d e*. Обе они имеют аналогии в других прибалтийско-финских янках. Однако в современном вепском ян-

же ареал их распространения чрезвычайно локален. В большинстве говоров они вытеснены универсальной и более нейтральной в семантическом смысле лексемой *kužžõš*, *kužišt* "ельник" < *kuž* "ель". Лишь в одном средневепском говоре бытует термин *vap* "овраг", лексические параллели для которого обнаруживаются в карельских и финских диалектах. В одном из северновепских говоров зафиксирована лексема *kuikka* "холм, горка", не известная в других местах проживания вепсов, но имеющая этимологические соответствия, например, в финских говорах.

Приведенные примеры подтверждают мысль о том, что изоглоссы географических терминов проходят не по современным границам прибалтийско-финских языков, и поэтому терминологическая система каждого из них должна рассматриваться в сопоставлении с данными других прибалтийско-финских языков.

При установлении географии распространения того или иного ландшафтного термина полезно также иметься лексический материал подкреплять топонимическим, вносящим подчас значительные коррективы в результаты. К примеру, топонимические свидетельства позволяют говорить о том, что современный узкоместный северновепский термин *kuikka* в прошлом широко бытовал на территории распространения средних вепсов, в бассейне р. Ояты. Там нами зафиксированы такие названия возвышенных участков местности, как *kuikahonshen*, *kuikihägi*, *kuikka* (*k*) *zmagi*, на обрусевшей территории Приоятля-Куиккола, Куков Кряк, Кукова Гора, Куково, Кукогорье, Кукуй.

Трудно в каждом отдельном случае судить, какие причины привели к утрате лексем в одном или нескольких говорах, диалектах и даже языках. Безусловно, здесь действуют как внутриязыковые, так и экстралингвистические факторы. Одним из вероятных условий может служить зависимость состава географической терминологии от географической среды и ее особенностей. Очевидно, что отсутствие географической реалии влечет за собой утрату называющей ее лексем. Скажем, прибалтийско-финский термин *kaali* "скала", известный у северных вепсов, проживавших на скалистом побережье Онежского озера, отсутствует в лексиконе остальных групп вепсов, на территории рас-

пространения которых нет скалистых местностей. Еще пример. Деревня *voilaht* (Войлахта), входящая в зону распространения средневепского диалекта, в отличие от подавляющего большинства вепских поселений, располагающихся у водоемов, стоит в отдалении от последних. Однако к деревне подходит большое болото, возможно, бывшее в прошлом озером. На такую возможность указывает название деревни, включающее в себя в качестве детерминанта ландшафтный термин *laht*, известный в вепских диалектах в значении "залив". Надо полагать, лексема **laht* была известна и в Войлахте (ср. ойконим *voilaht*), однако с зарастанием и заболачиванием озера и его заливов и, следовательно, с исчезновением географической реалии, вышла из употребления⁵.

Помимо лексической дистрибуции интересный материал для исследования представляют также семантические варианты вепских ландшафтных терминов по диалектам и говорам. Для установления всего богатства семантического спектра, всех звеньев семантической цепи предстоит еще значительная собирательская работа. Здесь мы ограничиваемся отдельными примерами. Наглядным примером семантического сдвига являются смысловые изменения, происшедшие в лексеме *org*. Первое значение ее — "овраг, низина". Оно представлено в говорах средних вепсов и имеет семантические параллели практически во всех прибалтийско-финских языках (SKES II, 438). В говорах северных вепсов произошел семантический сдвиг: низина → лес (растущий в низине). Для прионежских вепсов *org* — это, прежде всего, "дремучий лес, чащоба", и лишь на втором плане присутствует исходный признак "низкое место": *org* "лес, растущий на сыром, болотистом месте". Такая же семантика характерна для территориально наиболее близкого карельскому — людиковского *org*. Указанный семантический сдвиг отразили и севернорусские говоры, в которых лексема *orga* служит для обозначения леса, произрастающего в низине.

Еще один вариант семантического изменения: низина → ручей, протекающий в низине, — зафиксирован в говоре д. Вой-

5. Материалы по географической терминологии д. Войлахта любезно предоставлены в наше распоряжение Н. Г. Зайцевой.

лахта, где лексемой *o g g i i n e*, образованной от основы *o g v* с помощью деминутивного суффикса *- i n e*, называет ручей, берущий начало на клоча и текущий по низменному месту.

В лексеме *m ä t t a z ~ ш ä t a z* наряду с исходным значением "кочка", представленным во всех прибалтийско-финских языках (SKES II, 361), развилось в некоторых средних и северных говорах значение "холм, горка", а в говоре д. Войлахта - "куст". Устанавливается и еще одно звено в семантической цепи. В речи отдельных представителей говора с. Мелтозеро лексема *m ä t t a z* приобрела значение "деревня". Такое отклонение в семантике обусловлено, во-первых, географической реалией: деревни, входящие в мелтозерский куст, расположены на пригорках, холмах по берегам реки; во-вторых, в данном случае налицо влияние топонимии. Подавляющее большинство ойконимов села включает в свой состав детерминант *- ш ä t t a z*, указывавший первоначально на отмеченную черту географического расположения деревень: *h a m a m ä t t a z*, *k u k o i m ä t t a z*, *ш a r k i m ä t t a z*, *ш e i k a m ä t t a z*, *ш i i n a m ä t t a z*. В топонимическом контексте произошло абстрагирование от первоначального значения и установились новые смысловые связи.

На основе имеющегося в нашем распоряжении материала устанавливается наличие лексической и семантической дифференциации ландшафтной терминологии в вепсских говорах и диалектах, однако полный объем, характер, причины этой дистрибуции - это вопросы, идущие своего разрешения.

Еще одна задача в исследовании вепсской географической терминологии - выявление семантических гнезд и установление моделей названия для каждого из них. В решении этой задачи выявляется как лингвистический, так и экстралингвистический аспект. Топографические термины, один из наиболее устойчивых, имеющих древние истоки и широкие параллели разрядов лексики, - ценный источник, позволяющий судить об истории языка, языковых контактах. Одновременно это являющаяся результатом многовековых наблюдений над природой характеристика физико-географических особенностей региона. Добавим, что по тому, насколько детально, с отражением каких признаков разработана местная географическая терминология того или иного региона, мож-

но судить не только о географических особенностях местности, но и о роли объектов естественной географии в жизни и хозяйственной деятельности человека.

В качестве примера остановимся кратко на терминах, объединяющихся в семантическое гнездо "болото". Современная территория проживания вепсов характеризуется обилием болотистых местностей. Болота, бывшие местами охоты, сенокосов, сбора ягод, играли существенную роль в жизни населения. Добавим, что через них проходили дороги между поселениями. Это обусловило существование в вепских говорах довольно обширного семантического гнезда для выражения понятия "болото". При этом термин *во* "болото" встречается повсеместно в вепском языке и является обобщающим топонимическим термином. Остальные лексемы имеют более специфическое значение с дополнительными семантическими признаками, ареал их употребления ограничен одним или несколькими говорами: *г̃а̃ше-г̃і̃ѣт* "болото с чахлым лесом", *гоз̃шег̃і̃ѣт* "главое болото", *п̃ова* "трясина, топь", *ро̃ѣе* "топь, топкое место". Имеются локальные заимствования, обусловленные географическими особенностями территории и контактами с другими народами, в нашем случае, с представителями севернорусских говоров. На восточной границе расселения вепсов известны географические лексемы *ѣа̃і̃ш* "болото с мелким лесом" и *во̃х̃гі̃р̃с* "болотина (заболоченное место)" неизвестного происхождения. Однако ограниченный ареал их распространения в говоре, подвергнувшись сильному русскому влиянию, позволяет предполагать их заимствование из соседних русских говоров: ср. *ша̃йма* "болотистое место с чахлым бережанком", *со̃гра* "мокрое вязкое болото с редким неварачным едьником" (Куликовский, 110). В процессе контактирования и заимствования зачастую происходит определенный семантический сдвиг: например, *в̃хновепское* *ва̃ла̃ѣ* "грязь" < рус. "болото". Контактыванием с соседними русскими говорами объясняется, по всей видимости, появление в *в̃хновепских* говорах у лексемы *во* помимо изначальной семантики "болото" значения "мох, растущий на болоте". Роль сыграл, вероятно, тот факт, что в соседних русских говорах повсеместно для обозначения болота служит термин *мох*.

При анализе семантических гнезд чрезвычайно продуктивным оказывается привлечение топонимических материалов. Топонимия Приоятья (средновеппские говоры) позволяет восстановить несколько терминов с семантикой "болотистое место", выпавших из лексической системы современного вепского языка. Среди них *vada g- ~ *vaga ġ- (vada ġ, р., vada o ja, руч., vada vo, бол., Вадокка, р., Вадаксо, бол.), *i em- (i em ja ġ v, оз., i em o ja, руч., Лемозеро), *i ev- (i ev o ja, руч., i ev ak so, бол., Лезозеро, Лёвь, бол.). Значение их восстанавливается при привлечении лексических данных других прибалтийско-финских языков, а также севернорусских говоров⁶. Лексика, испытывающая влияние экстралингвистических факторов, больше других уровней языка подвержена изменениям во времени. Географические термины, обозначающие жизненно важные для общества охотников и рыболовов понятия, входят из употребления с переходом населения к земледелию. И в целом, чем теснее непосредственная связь человека с природой, тем разнообразнее и детальнее лексика языка, характеризующая явления окружающей среды. С развитием общества, с изменением видов деятельности необходимость в такой детализации отпадает. В такой ситуации топонимические свидетельства оказывают неоценимую помощь, донося до нас закрепившиеся на более ранних ступенях развития общества в местных названиях ландшафтные термины.

В наших заметках намечены некоторые вопросы изучения вепской географической терминологии в лексико-семантическом плане. В настоящее время осуществляется сбор лексического и топонимического материала, который послужит основой для дальнейшего детального исследования вепской местной географической терминологии. Такое исследование должно проводиться на широком сопоставительном фоне, с привлечением лингвистических данных по родственным и контактирующим языкам, с обязательным использованием исторического и географического факторов, а также топонимических свидетельств.

6. См. подробнее в статье: Муллонен И.И. Вепская ландшафтная терминология в гидронимии бассейна р. Ояти. - Сов. финно-угроведение, 1983, № 1.